

Фредерик
ПОЛ

ХИЧИ
ВСТРЕЧА С ХИЧИ
АННАЛЫ ХИЧИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

П49

Серия «Мастера фантазии»

Frederik Pohl

HEECHEE RENDEZVOUS
THE ANNALS OF THE HEECHEE

Перевод с английского *А. Грузберга*

Художник *С. Неживясов*

Печатается с разрешения Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency.

Пол, Фредерик.

П49 Встреча с хичи. Анналы хичи : [сборник] / Фредерик Пол; [перевод с английского А. Грузберга]. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 544 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-145513-2

Вот и явились те, кого человечество надеялось встретить, в то же время страшась этой встречи. Представители высшего разума — хичи. Существа, располагающие технологиями, помогающими землянам во многих сферах, но при этом и поставившими Землю на грань катастрофы. Нас ждут волнующие рассказы о Большом взрыве и черных дырах, о сталкивающихся фотонах, о других измерениях и населении чужих планет, о терроризме и искусственном разуме, о мертвых, которые не вполне мертвы, и о том, что движет человечеством в его устремлениях...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Frederik Pohl, 1984, 1987

© Перевод. А. Грузберг, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Содержание

ВСТРЕЧА С ХИЧИ	5
АННАЛЫ ХИЧИ	251

ВСТРЕЧА С ХИЧИ

Пролог

РАЗГОВОР С МОЕЙ ПОДПРОГРАММОЙ

Я не Гамлет. Я слуга хозяина, по крайней мере так меня называли бы, если бы я был человеком. Но я не человек. Я компьютерная программа. Это вполне достойный статус, и я совсем не стыжусь его, особенно учитывая, что (как вы вскоре узнаете) я очень сложная программа, способная не только рассчитать прогрессию или подготовить сцену, но и процитировать стихи какого-нибудь забытого поэта двадцатого века.

Сейчас я начинаю готовить сцену. Меня зовут Альберт, и мой конек — представления. Начну с представления самого себя.

Я друг Робинетта Броудхеда. Ну, это не совсем точно; я не уверен, что могу считаться другом Робина, хотя очень стараюсь быть им. Именно с этой целью я (именно данное конкретное «я») был создан. В общем-то я простая компьютерная программа, способная собирать и оценивать информацию, но мне приданы многие черты покойного Альберта Эйнштейна. Поэтому Робин зовет меня Альбертом. Здесь есть одна неясность. Поскольку вопрос о том, кто такой Робинетт Броудхед как объект моей дружбы, впоследствии тоже станет спорным, возникает вопрос, кто же такой Робинетт Броудхед в настоящее время, но эта проблема трудная, до решения ее еще далеко, и нам нужно подходить к ней постепенно.

Я понимаю, что все это весьма затруднительно, и не могу не чувствовать, что выполняю свою работу недостаточно хорошо, а она, как я понимаю, состоит в том, чтобы подготовить сцену для появления самого Робина. Но вы можете пропустить мои слова и перейти к самому Робину, как предпочел бы поступить, несомненно, сам Робин.

Представление проведем в форме вопросов и ответов. Я создам специальную подпрограмму внутри моей программы, и она будет расспрашивать меня.

Вопрос: Кто такой Робинетт Броудхед?

Ответ: Робин Броудхед — это человек, который отправился к астероиду Врата и, подвергая себя большому риску, положил начало огромного состояния и еще немало комплекса вины.

В.: Не создавай головоломок, Альберт, излагай только факты. Что такое астероид Врата?

О.: Это артефакт, оставленный хичи. Примерно полмиллиона лет назад они оставили что-то вроде орбитального летающего гаража, полного действующих космических кораблей. Корабли могут отнести вас в любое место Галактики, но вы не можете контролировать их полет. (Если нужны подробности — см. сопроводительные материалы; я помещаю их, чтобы показать вам, на что способна действительно сложная компьютерная программа.)

В.: Оставь это, Альберт! Только факты, пожалуйста. Кто такие хичи?

О.: Давай кое-что проясним. Если «ты» собираешься задавать «мне» вопросы — хотя «ты» всего лишь подпрограмма программы «я», — ты должен дать мне возможность отвечать наилучшим способом. «Фактов» недостаточно. «Факты» способна производить самая примитивная информационная система. Я слишком хорош, чтобы тратить на это: я могу дать фон и окружение. Например, для того чтобы наилучшим образом объяснить, кто такие хичи, я должен начать с их первого появления на Земле. Примерно так.

Время — около полумиллиона лет назад, конец плейстоцена. Первым живым земным существом, которое узнало о появлении хичи, оказалась самка саблезубого тигра. Она родила двух тигрят, облизала их, зарычала, чтобы отогнать своего любопытного самца, уснула, проснулась и обнаружила, что одного детеныша нет. Хищники не...

В.: Альберт, пожалуйста. Это рассказ о Робинетте, не о тебе, так что начинай с него.

О.: Я тебе уже сказал и еще раз повторю. А если еще раз прервешь, я просто выключу тебя, подпрограмма. Будем поступать по-моему, а по-моему — значит так:

Хищники не очень хорошо считают, но тигрица была достаточно умна, чтобы понять разницу между одним и двумя. К несчастью для детеныша, у хищников дурной характер. Потеря дете-

ныша разъярила самку, и в приступе ярости она убила и другого. Интересно отметить, что это был единственный смертельный случай среди крупных млекопитающих в результате первого посещения хичи Земли.

Десять лет спустя хичи вернулись. Они вернули некоторые взятые ими образцы, включая самца тигра, повзрослевшего и откормленного, и взяли новую партию. На этот раз не четвероногих. Хичи научились отличать одних хищников от других и на этот раз взяли группу волочащих ноги существ, ростом в четыре фута, со скошенными лбами, мохнатыми лицами, лишенными подбородков. Это были далекие побочные предки, которых вы, люди, назовете *Australopithecus afarensis*. Их хичи не вернули. Они считали, что эти земные существа обладали наибольшими возможностями для появления разума. Таких животных они хотели использовать в программе, которая должна была ускорить эволюцию австралопитеков к нужной хичи цели.

Разумеется, в своих исследованиях хичи не ограничивались планетой Земля, но в Солнечной системе не оказалось больше ничего для них подходящего. Они искали. Исследовали Марс и Меркурий, пронеслись сквозь облачные атмосферы газовых гигантов за поясом астероидов, обнаружили Плутон, но даже не побеспокоились навестить его, пробили туннели в астероиде с эксцентрической орбитой, превратив его в нечто вроде ангара для своих космических кораблей, и изрыли всю поверхность Венеры каналами. Они выбрали Венеру вовсе не потому, что предпочитали ее климат земному. В сущности, поверхность Венеры нравилась им не больше, чем людям: все их сооружения располагались под поверхностью. Но они решили, что сооружениям быть здесь, потому что на Венере не было жизни и они ничему не могли повредить, а хичи никогда, НИКОГДА не причиняют вреда ничему живому — разве что в случае крайней необходимости.

Хичи не ограничивались и Солнечной системой. Их корабли летали по всей Галактике и за ее пределы. В Галактике свыше двухсот миллионов объектов, больших, чем планета, и они их все нанесли на карты; и множество меньших тоже. Корабли хичи навещали не каждый объект. Но ни одного не миновали их беспилотные корабли или инструментальное изучение спектра, а некоторые объекты стали тем, что можно назвать туристскими аттракционами.

И очень немногие объекты — сушая горсточка — содержали редкостное сокровище, которое искали хичи, — жизнь.

Жизнь редка в Галактике. Разумная жизнь, как определяли ее хичи, еще реже... но она имелась. Земные австралопитеки уже начали использовать орудия труда и начинали создавать общественные институты. А еще существовала многообещающая крылатая раса — в районе, который люди потом назвали созвездием Змееносца. А также существа с мягкими телами на огромной планете с высокой силой тяжести, которая вращается вокруг звезды типа F-9 в созвездии Эридана; четыре или пять различных типов существ на планетах вокруг далеких звезд по ту сторону центра Галактики; они скрыты облаками газа и плотными звездными скоплениями от наблюдения со стороны Земли. Всего насчитывалось пятнадцать видов на пятнадцати планетах, на тысячи световых лет удаленных друг от друга; можно было ожидать, что у них разовьется разум и довольно скоро они будут способны писать книги и строить машины («довольно скоро», с точки зрения хичи, это в пределах одного миллиона лет).

Помимо хичи, существовали еще три технологические цивилизации и артефакты еще двух, исчезнувших.

Итак, австралопитеки не были уникальны. Но все же представляли большую ценность. Поэтому тот хичи, который перенес колонию австралопитеков с сухих равнин их родины в жилище, подготовленное для них в космосе, получил большую известность благодаря этой своей работе.

Она была трудной и длительной. Этот хичи — потомок трех поколений, осуществлявших проект в Солнечной системе, исследовавших, составлявших карты. Он надеялся, что его потомки продолжат эту работу. Но в этом он ошибался.

В целом хичи находились в Солнечной системе свыше ста лет; а потом все это кончилось — менее чем за месяц.

Было принято решение уходить — и как можно скорее.

И во всех кроличьих туннелях Венеры, во всех небольших постах на Дионе и в южной полярной шапке Марса, на всех орбитальных станциях начались сборы. Хичи — самые аккуратные домохозяева. Они убрали девятью девять процентов своих инструментов, машин, артефактов и всего того, что поддерживало их жизнь в Солнечной системе, даже мусор. Особенно мусор. Ничего не было оставлено случайно. И ничего, включая хичи-эквивалент пустой бутылки коки или гигиенического пакета, не осталось на поверхности Земли. Хичи вовсе не хотели лишиться далеких потомков австралопитеков знания об их посещении. Они только хотели быть уверены, что эти потомки вначале выйдут в космос. Большая

часть того, что хичи убрали, им самим оказалась ненужной, и они выбросили это в далекое межзвездное пространство или на Солнце. Многие увезли далеко — со специальной целью. И так делалось не только в Солнечной системе, но повсюду. Хичи очистили Галактику почти от всех следов своего пребывания. Ни одна овдовевшая голландка в Пенсильвании, готовясь передать ферму старшему сыну, не проявляла такой аккуратности.

Они не оставили почти ничего и совсем ничего без особой цели. На Венере оставили только туннели и фундаменты сооружений, а также тщательно подобранный набор артефактов; на космических станциях — только минимум указателей; и еще одно сооружение.

В каждой солнечной системе, где возможно было появление разума, они оставили один большой и загадочный дар. В земной системе это был астероид с орбитой под прямым углом к эклиптике, который они использовали как терминал для своих космических кораблей. Тут и там, в тщательно подобранных местах других систем, они оставили другие большие сооружения. И в каждом находилось большое количество функционирующих, почти неуничтожимых космических кораблей хичи, способных совершать полеты быстрее скорости света.

Клад в Солнечной системе ждал очень долго, больше четырехсот тысяч лет, а хичи все это время провели в центральной черной дыре. Австралопитеки на Земле оказались неудачей эволюции, хотя хичи об этом не узнали; но двоюродные братья австралопитеков стали неандертальцами, кроманьонцами, а потом, в результате очередной причуды эволюции, современными людьми. Тем временем крылатые существа развились, выучились, заполучили Прометеев дар и убили себя. Тем временем две существовавшие технологические цивилизации встретились друг с другом и взаимоуничтожились. Тем временем другие многообещающие виды забрели в эволюционные тупики; тем временем хичи прятались и боязливо выглядывали из-за своего барьера Шварцшильда каждые несколько недель своего времени — каждые несколько тысячелетий быстрого времени снаружи...

Тем временем клады ждали, и люди наконец нашли их.

И вот люди взяли корабли хичи. В них они облетали всю Галактику. Первые исследователи были испуганными отчаявшимися людьми, в надежде уйти от своего жалкого существования они рисковали жизнями в слепых полетах к цели, которая могла сделать их богатыми, но, что гораздо вероятнее, могла их убить.

Я сделал краткий обзор взаимоотношений хичи с человеческой расой до того момента, когда Робин может начать свой рассказ. Есть ли вопросы, подпрограмма?

В.: 3-3-3-3-3-3.

О.: Подпрограмма, не будь ослом. Я знаю, что ты не спишь.

В.: Я хочу только заметить, что тебе понадобилось очень много времени, чтобы уйти со сцены, постановщик. И ты рассказал только о прошлом хичи. Но не рассказал об их настоящем.

О.: Я как раз собирался это сделать. Я расскажу об одном хичи, которого зовут Капитан (вообще-то это не его имя: обычаи наименования у хичи совсем не те, что у людей, но это поможет распознавать его), который как раз в то время, когда Робин начинает рассказывать свою историю...

В.: Если ты позволишь ему это сделать.

О.: Подпрограмма! Молчать! Этот Капитан играет большую роль в рассказе Робина, потому что со временем их пути драматически скрестятся, но в момент, о котором я рассказываю, Капитан и не подозревает о существовании Робина. Он вместе с другими членами экипажа готовится проникнуть из того места, где скрываются хичи, в более обширную Галактику, дом для всех нас остальных.

Однако я сыграл с тобой маленькую шутку. Ты уже — молчать, подпрограмма! — уже встречалась с Капитаном, потому что он входил в тот экипаж, что похитил детеныша тигрицы и построил туннели на Венере. Теперь он намного старше.

Но, конечно, не на полмиллиона лет, потому что хичи прячутся в черной дыре в центре Галактики.

Послушай, подпрограмма, я не хочу, чтобы ты снова меня прерывала, но должен упомянуть одно странное обстоятельство. Черная дыра, в которой жили хичи, стала известна людям задолго до того, как они узнали о хичи. В сущности, в 1932 году это был первый обнаруженный межзвездный радиоисточник. К концу двадцатого века с помощью интерферометров ее нанесли на карту как несомненную черную дыру, к тому же очень большую, с массой в тысячи солнц и диаметром в тридцать световых лет. Тогда же было установлено, что она расположена в трехстах тысячах световых лет от Земли, в направлении созвездия Стрельца, окружена облаком силикатной пыли и является мощным источником гамма-протонов 511-кеV. Ко времени открытия астероида Врата стало известно гораздо больше. Знали все основные факты, за исключением одного. Не представляли себе, что там полно хичи. И не

подозревали об этом, пока не начали — в сущности, правильно будет сказать, что начал я — расшифровывать старые звездные карты хичи.

В.: 3-3-3-3...

О.: Тише, подпрограмма, я тебя понял.

Корабль, в котором находился Капитан, очень напоминал те, что люди нашли на Вратах. У хичи не было времени усовершенствовать конструкцию корабля. Именно поэтому Капитану не было полумиллиона лет: время в черной дыре течет медленно. Главное отличие корабля Капитана от других кораблей — дополнительное устройство.

На языке хичи это устройство называется «нарушитель порядка в линейных системах». Пилот, говорящий по-английски, назвал бы его ножом для консервных банок. Именно он позволял кораблю проходить барьер Шварцшильда вокруг черной дыры. Ничего особенного, просто изогнутый кристалл, торчащий из черного основания, но когда Капитан подавал к нему энергию, он начинал сверкать, как гряда бриллиантов. Бриллиантовый блеск расширялся, окутывал корабль, открывал проход, и корабль через него выходил в просторную вселенную. На это не требовалось много времени. По меркам Капитана, меньше часа. По часам наружной вселенной — около двух месяцев.

Капитан — хичи, и на человека он не похож. Больше всего он напоминает оживший скелет из мультфильма. Но о нем можно думать и как о человеке, потому что он обладает большинством особенностей человека: любопытством, изобретательностью, разумом, способностью влюбляться и всеми остальными качествами, о которых я знаю, но которых никогда не испытывал. Например, Капитан находился в хорошем настроении, потому что смог включить в состав экипажа женскую особь, которую рассматривал как перспективного любовного партнера (люди тоже так поступают в так называемых деловых поездках). Но само дело предстояло не очень приятное, если как следует подумать. Однако Капитан об этом не думал. Он беспокоился не больше, чем рядовой человек беспокоится о том, объявят ли сегодня в полдень войну. Если это случится, конец всему. Но этого не случилось, хотя прошло так много времени, что... Главное отличие заключалось в том, что для Капитана это дело не было объявлением войны; оно связано с тем, почему хичи скрылись в своей черной дыре. Капитан должен был проверить оставленные хичи артефакты. Клады были оставлены

не случайно. Они составляли часть тщательно разработанного плана. Их можно даже назвать приманкой.

А что касается чувства вины, которое испытывал Робинетт Броудхед...

В.: Мне было интересно, когда ты вернешься к этому. Позволь сделать предложение. Почему бы не дать самому Робину Броудхеду возможность высказаться?

О.: Отличная мысль! Небо свидетель, он специалист в этом вопросе. Итак, действие начинается, процессия движется... представляю вам Робинетта Броудхеда!

Такую информацию мне предоставлять легче всего.

...Конфликт из-за острова Доминика, сам по себе ужасный, был разрешен за семь недель, так как и Гаити, и Доминиканская Республика стремились к миру и хотели восстановить свою разрушенную экономику. Следующий кризис, который предстояло разрешить Секретариату, давал надежду, но в то же время был связан с самой серьезной угрозой для всеобщего мира. Я имею в виду, разумеется, открытие так называемого астероида хичи. Хотя было давно известно, что опередившие нас в технологическом отношении чужаки посещали Солнечную систему и оставили некоторые ценные артефакты, открытие небесного тела с десятками функционирующих космических кораблей было совершенно неожиданным. Корабли были, конечно, бесценны, и все вышедшие в космос члены ООН предъявили на них свои права. Не буду рассказывать о напряженных тайных переговорах, которые привели к созданию пятью державами Корпорации «Врата» — с ее созданием перед человечеством открылись новые горизонты.

Воспоминания Мари-Клементин Бенабуше,
генерального секретаря ООН.

1. Совсем как в старые времена

Прежде чем меня расширили, я почувствовал то, что не испытывал уже тридцать лет, и сделал то, на что не считал себя уже способным. Отправил свою жену Эсси в город совершить обход ее предприятий. Во все коммуникационные системы дома дал команду «Не беспокоить». Вызвал свою информационную систему (и друга) Альберта Эйнштейна и отдал ему приказы, от которых он нахмурился и начал сосать свою трубку. И вот все в доме стихло. Альберт неохотно, но послушно отключился, я удобно лежал на диване в своем кабинете, из соседней комнаты негромко доносился Моцарт, в воздухе пахло мимозой, свет был приглушен — и вскоре, говорю я, я произнес имя, которое не произносил уже десятилетия. «Зигфрид фон Психоаналитик, я бы хотел с тобой поговорить».

На мгновение мне показалось, что он не появится. Но вот в углу комнаты, возле увлажнителя, возникла туманная дымка, что-то блеснуло, и он уже сидит передо мной.

За тридцать лет он несколько не изменился. На нем темный плотный костюм, такого же покроя, как на портретах Зигмунда Фрейда. На пожилom, ничем не примечательном лице не прибавилось ни морщины, глаза все так же блестят. В одной руке блокнот, в другой — карандаш, как будто ему нужно делать записи! И он вежливо сказал:

— Доброе утро, Роб. Я вижу, вы отлично выглядите.

— Ты всегда начинаешь с того, что пытаешься вселить в меня уверенность, — говорю я, и он слегка улыбается.

Зигфрид фон Психоаналитик на самом деле не существует. Это всего лишь психоаналитическая компьютерная программа. Физического существования у него нет; то, что я вижу, — только голограмма, а слышу я синтезированную речь. У него даже имени нет, потому что Зигфридом фон Психоаналитиком его назвал я не-

сколько десятилетий назад: я не мог тогда разговаривать с машиной, не имеющей имени.

— Вероятно, — задумчиво сказал он, — вы меня вызвали, потому что вас что-то тревожит.

— Совершенно верно.

Он с терпеливым любопытством взглянул на меня; в этом он тоже не изменился. Сегодня у меня много гораздо более совершенных программ — или, вернее, одна из моих программ, Альберт Эйнштейн, настолько хороша, что об остальных я и не думаю, — но Зигфрид все-таки тоже неплох. Он всегда ждет, не торопит меня. Знает, что нужно время, чтобы то, что таится в моем сознании, обрело словесную форму.

С другой стороны, он не позволяет мне просто мечтать.

— Можете вы сказать, что вас тревожит в данный момент?

— Многое. Разное, — отвечаю я.

— Определитесь, — говорит он. И я пожимаю плечами.

— Мир очень беспокоен, Зигфрид. Со всем тем хорошим, что происходит, почему люди... О, дерьмо! Я опять начинаю, верно? Говорю о мелочах, а не о главном.

— Неплохо, Робин. Не хотите ли сказать мне, что для вас главное?

— Хочу. Так хочу, что, мне кажется, сейчас заплачу. А я уже давно этого не делал.

— Вы очень давно во мне не нуждались, — замечает он, и я киваю.

— Да. Совершенно верно.

Он ждет немного, медленно вертя карандаш в руке, сохраняя выражение вежливой дружеской заинтересованности, то самое не осуждающее выражение, с каким я всегда его вспоминал между сеансами, потом говорит:

— То, что на самом деле беспокоит вас, Робин, глубоко скрыто и трудно формулируемо. Вы это знаете. Мы это видели вместе — много лет назад. Я не удивлен, что вы все эти годы не испытывали во мне потребности, потому что, очевидно, жизнь ваша складывалась хорошо.

— Да, очень хорошо, — соглашаюсь я. — Наверно, гораздо лучше, чем я заслуживаю... — Стоп! Говоря это, я обнаруживаю скрытое чувство вины? Чувство неадекватности?

Он вздыхает, но продолжает улыбаться.

— Вы знаете, я предпочитаю, чтобы вы не говорили как психоаналитик, Робин. — Я улыбаюсь ему в ответ. Он ждет некоторо-

время, потом продолжает: — Посмотрим на нынешнюю ситуацию объективно. Вы приняли меры, чтобы нам никто не помешал — или не подслушал? Не услышал того, что не предназначено даже для ушей ближайшего друга? Вы даже приказали Альберту Эйнштейну, своей информационной программе, не регистрировать этот разговор, не включать его ни в какой банк данных. Вероятно, вы собираетесь сказать нечто очень личное, сокровенное. Может быть, вы стыдитесь этого вашего чувства. Что скажете, Робин?

Я откашливаюсь.

— Ты это точно подметил, Зигфрид.

— Так что же вы хотите мне сообщить? Можете сказать это?

Я решаюсь очертя голову:

— Ты, как всегда, прав, могу! Очень просто! Очевидно! Я чертовски старею!

Так лучше. Когда трудно сказать, просто скажи. Это одна из тех простых истин, что я узнал в далекие дни, когда трижды в неделю изливал свою боль перед Зигфридом, и это всегда действовало. И, сказав, я чувствовал себя очищенным — ну, не счастливым, проблема все-таки не решена, но клубок зла вышел из меня. Зигфрид молча кивает. Смотрит на карандаш, который вертит в руках, ждет, чтобы я продолжил. А я знаю, что худшее позади. Я знаю это чувство. Хорошо помню по давним бурным сеансам.

Теперь я не тот, что тогда. Тот Робин Броудхед испытывал сильнейшее чувство вины, потому что оставил любимую женщину умирать. Теперь это чувство вины давно исчезло — и помог мне в этом Зигфрид. Тот Робин Броудхед так плохо о себе думал, что не верил, будто кто-то может отнестись к нему хорошо, и у него было мало друзей. Теперь они у меня есть. Десятки! Сотни! (О некоторых из них я собираюсь вам рассказать.) Тот Робин Броудхед не мог принять любовь, а я уже четверть века состою в прекрасном браке. Так что я совсем другой Робин Броудхед.

Но кое-что никогда не меняется.

— Зигфрид, — говорю я, — я стар. Я скоро умру, и знаешь, что больше всего меня выводит из себя?

Он поднимает взгляд от карандаша.

— Что, Робин?

— Я недостаточно взрослый, чтобы быть таким старым!

Он поджимает губы.

— Не хотите ли объяснить это, Робин?

— Да, — говорю я, — хочу. — Кстати, дальнейшее совсем легко, потому что я немало об этом думал, прежде чем вызвать Зиг-